

О. В. Скобелкин*

**СЛУЖИЛЫЕ ИНОЗЕМЦЫ
И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ РОССИИ
в XVI – первой трети XVII в.
(Вопросы взаимоотношений с органами управления
и должностными лицами)**

ВОЗНИКНОВЕНИЕ на рубеже 70–80-х гг. XV в. Российского государства привело к возникновению на территории бывших русских земель и княжеств нового типа вооруженных сил – общерусского войска. Уже с самых первых шагов его формирования московские власти стали приглашать на службу иностранных военных специалистов, и с каждым десятилетием эта практика приобретала все большие масштабы. К началу XVII в. служилые иноземцы стали неотъемлемой частью вооруженных сил России, а их количество в русском войске исчислялось несколькими тысячами. Большую часть служилых иноземцев составляли бывшие подданные Речи Посполитой – поляки, украинцы («черкасы»), белорусы. Кроме них источники называют турок, персов, венгров, молдаван, представителей южнославянских народов, а также «немцев» – выходцев из различных стран Центральной и Западной Европы. Среди последних были: англичане, датчане, ирландцы, ливонцы, пруссаки, французы, шведы, шотландцы и уроженцы различных городов и областей Империи («Цесарской земли»). Именно «немцы» и являются предметом настоящего исследования.

Состояние источников, содержащих информацию о служилых иноземцах, к сожалению, оставляет желать много лучшего. Для XVI в. основными источниками являются сравнительно немногочисленные записки посетивших Россию иностранцев¹, поскольку материалы приказного делопроизводства этого периода практически не сохранились, а иные типы источников не содержат интересующих нас сведений.

К концу XVI в. в России возникает специальное ведомство, в чьем распоряжении находились служилые иноземцы; первое упоминание о нем мы находим у Флетчера². Впоследствии этот орган стал называться Панским, а с середины 20-х гг. XVII в. – Иноземским приказом. Именно в недрах этого ведомства создавалось и аккумулировалось большинство документов, связанных с иностранцами на русской военной службе. Однако «московский большой пожар» мая 1626 г. уничтожил почти весь архив приказа, как, впрочем, архивы и ряда других приказов. К счастью, в силу особенностей приказного делопроизводства, документы, связанные со служилыми иноземцами, частично сохранились в столбцах и книгах дру-

---

* Скобелкин Олег Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного университета.

¹ Подробный анализ этой группы источников применительно к служилым иноземцам см.: Скобелкин О. В. Иностранные авторы описаний России XVI в. о западноевропейцах на русской военной службе // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002. С. 439–440; Он же. Иностранные известия об иноземцах в русском войске в XVI веке // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Воронеж, 2002. Вып. 1. С. 6–32.

² Флетчер Дж. О государстве русском. М., 2002. С. 66.

гих приказов. В этой ситуации исследователь вынужден уподобиться составителю мозаики, собирая из разных архивных фондов разрозненные, подчас весьма фрагментарные, сведения и имея при этом в виду, что некоторые лакуны так и не будут заполнены.

Самые первые контакты иноземцев с представителями Российского государства могли происходить еще до приезда в Россию. Это бывало тогда, когда имел место найм иностранных военных специалистов, характерный для конца XV – первой трети XVI в. и осуществлявшийся членами русских дипломатических миссий³. В «Записках» Герберштейна есть любопытный рассказ о вербовке русским послом австрийских пушкарей в Инсбруке: не имея возможности открыто производить вербовку, он прибегнул к весьма любопытному способу – давал деньги «своим слугам», чтобы те ходили к публичным женщинам и через них наводили справки об оружейниках⁴. Пятеро пожелавших послужить великому князю Московскому получили от посла деньги на покупку лошадей и дорожные расходы и отправились в далекую Московию.

Любой иностранец, поступивший на русскую службу, немедленно оказывался включенным в систему отношений, как лично, так и опосредованно, с различными звеньями государственного аппарата России и русскими должностными лицами различных уровней. Высшим должностным лицом, с которым иногда приходилось общаться иностранным военным, был монарх – «государь всеа Руси».

Герберштейн приводит целый ряд примеров контактов пушкарей-иностранцев с Василием III. Рассказывая о событиях 1505 г., он замечает, что итальянец пушкарь Варфоломей, перешедший в православие, был «в большой силе и чести у государя»⁵. Это, на мой взгляд, явное свидетельство того, что итальянский мастер-артиллерист входил в ближайшее окружение великого князя, что неминуемо предполагало достаточно частые личные контакты.

В том же рассказе, связанном с событиями военного конфликта с Казанью в 1505 г., приводится история о трех пушкарях. Двое из них (в том числе, и упомянутый Варфоломей) бежали вместе с русским войском с поля сражения, бросив орудия. Несмотря на это, они были приняты в Москве милостиво. Зато третий, каким-то образом сберегший свою пушку, получил от Василия III выговор: «Не орудия важны для меня, а люди, которые умеют лить их и обращаться с ними».

В сюжете о татарском нападении 1521 г., (оно, по мнению В. П. Загоровского, было первым из семи масштабных походов Крыма на Россию, которые, в отличие от регулярных набегов, историк называет нашествиями⁶) приводится еще один пример личных контактов великого князя с пушкарями. Когда татарская опасность миновала, и бежавший из Москвы Василий III возвращался в столицу, в воротах среди толпы встречавших он увидел и пушкаря, Николая с Рейна, и обратился к нему со словами: «Твоя верность мне и старание, которое ты выказал, охраняя крепость, известны нам и мы изрядно отблагодарим тебя за эту услугу». Вскоре в Москву приехал из Рязани отличившийся там пушкарь Иоанн Иордан и был, судя по всему, принят великим князем, который, спросив его о здоровье, обещал награду: «Велика будет наша милость к тебе». Однако ни тот,

³ Скобелкин О. В. Западные европейцы в русском войске XVI века // Исторические записки: Науч. труды исторического факультета ВГУ. Воронеж, 2002. Вып. 8. С. 50–51.

⁴ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 245.

⁵ Там же. С. 172.

⁶ Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 53.

ни другой ничего не получили, «хотя часто надоедали государю напоминаниями о его обещаниях»⁷.

Порой служилые иноземцы («наемники») приглашались и на великокняжеские пиры, даваемые в честь иностранных послов. Правда, в этом случае такой чести удостоивались не все наемники, а только их элита – «пушкари и другие лица того же рода»⁸.

Во времена Василия III иноземцев на русской военной службе было еще немного, поэтому наиболее авторитетные из них были лично известны государю. По мере увеличения числа иноземцев в русском войске, контакты царей с иностранцами становятся менее заметными, по крайней мере, по имеющимся источникам. Хотя они известны и в царствование Ивана Грозного, и в царствование Бориса Годунова, и, разумеется, в царствование Лжедмитрия I, личная охрана которого, состояла, главным образом, из иностранцев.

После Смуты патриархальные времена предшествующих царств отошли в прошлое. Теперь контакты иноземцев с монархом стали, скорее, исключением. Поэтому приводимый ниже документ можно, наверное, считать уникальным. Это челобитная одного из иноземцев, перешедших в православие, относящаяся к декабрю 1619 г.

«Великому государю светейшему Феларету патреярху Московскому и всеа Русии бьет челом холоп государев и твой светительской иноземец новокрещен Калинка Ицка, которой крестился из веры жидовской в православную крестьянскую веру.

Выехал я, холоп ваш, на государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии имя, покиня отца своего и мать, и весь род, и племя, и отставя все свои именья, и отрекся своей жидовской веры, слыша вашу государскую милость... И ныне я, государь, по царьскому жалованью и по твоему светительскому благословенью в православную веру крестился и имею господа бога и пречистую его богаматерь.

Смилуйся, государь светейший Феларет патреярх Московской и всеа Русии, благослови меня, холопа государева и своего, быти у царьской ручки для моего иноземства и для выезду, и для моего крещенья. А я, государь, и по ся место у царьской ручки не бывал, потому что выехал от веры жидовской, и челом о том не бивал и царьских очей не видал».

Резолюция на эту просьбу была следующей: «Государь... пожаловал, велел иво поставить перед собою и дать свои царские очи видеть. А как поставят и про него сказать...»⁹

Еще один случай аудиенции у царя Михаила Федоровича связан с приездом датского дворянина М. Мартынова, который прибыл в Россию в октябре 1614 г. в свите посланника датского короля, «а приехал к государю служить и грамота об нем, Мартыне, к государю от датцкого короля прислана». Датчанин был не просто принят во дворце, но и «был у государя на дворе у руки»¹⁰. Это, безусловно, был жест уважения в адрес Христиана IV.

Следующим уровнем власти в России была Дума. С ней непосредственно иноземцы отношений, как правило, не имели, однако некоторые вопросы, связанные с жизнью и службой иностранных военных в России, выносились на обсуждение бояр.

---

⁷ Герберштейн С. Указ. соч. С. 175.

⁸ Там же. С. 216.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 7. Л. 305–305 об.

¹⁰ Там же. Ф. 53. Оп. 1. 1620 г. Д. 1. Л. 13, 15.

В июне 1614 г. решением Думы были приняты на русскую службу шотландский капитан Я. Шав и «Аглинские земли служилой человек» Т. Герн (этим же решением Я. Шаву было дано разрешение жениться в Холмогорах на «немке»)¹¹.

Занималась Дума назначениями иностранцев на командирские должности. Во время штурма Арбатских ворот Кремля войсками Владислава в ночь на 1 октября 1618 г. погибли или были смертельно ранены несколько офицеров-иностранцев, командовавших подразделениями своих соотечественников¹². Назначение новых капитана и поручика в ирландскую роту «бельских немцев» состоялись, исходя из желания самих служилых людей роты, но по боярскому приговору¹³.

Рассматривались в Думе и различные вопросы, связанные с выплатой жалования служилым «немцам».

Это, во-первых, назначение жалования за переход иноземцев из армии противника на русскую сторону. Так, 3 октября 1618 г. боярским приговором было назначено «выходное» жалование группе шотландцев – капитану Я. Камелю, шляхтичу Г. Володимерову и трем «людям» капитана, перешедших на русскую службу из шведской армии¹⁴. В тот же день было назначено «выходное» жалование и двум французам-минерам, «спитардным мастерам» Ю. Безсону и Я. Безу¹⁵.

Во-вторых, на уровне Думы иногда происходило верстание поместными и денежными окладами. Так, в сентябре 1615 г. была поверстана группа англичан во главе с «князем» А. Астоном-младшим, приехавших на русскую службу¹⁶. В декабре 1618 г. по боярскому приговору были поверстаны поместным и денежным окладами Ю. Безсон и Я. Без¹⁷.

В-третьих, бывали случаи, когда бояре решали вопрос о выплате задержанного жалования: в сентябре 1618 г. Дума приняла решение выплатить шотландскому капитану А. Вахубу задолженность, которая образовалась за время его болезни¹⁸.

В-четвертых, в некоторых случаях, на заседания Думы выносились вопросы повышения жалования отдельным иноземцам. В сентябре 1616 г. «бояре приговорили» повысить месячный денежный оклад шотландского поручика П. Юля с 12 до 15 рублей¹⁹. В сентябре 1618 г. решением Думы с 6 до 12 рублей было повышено месячное денежное жалование шотландцу Ю. Лерманту в связи с тем, что он был назначен прапорщиком шотландской роты «бельских немцев»²⁰ вместо умершего от раны Д. Адворца²¹; в декабре 1618 г. ему же по боярскому при-

¹¹ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 52. Л. 63 об. Подробнее об этих событиях см.: Скобелкин О. В. Иностранцы на русском Севере в годы Смуты // Исторические записки: Науч. труды исторического факультета ВГУ. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 5–20.

¹² Подробнее об этом см.: Скобелкин О. В. Ирландцы на русской военной службе в конце 10-х – 20-х гг. XVII века // Шэпрок. Ирландские исследования (историка, политика, культура). Воронеж, 2002. № 2. С. 59–63.

¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 1. Л. 24–25, 65–65 об.

¹⁴ Там же. Д. 7. Л. 177–178.

¹⁵ Там же. Л. 180 – 181; Скобелкин О. В. Переходы западноевропейцев из войск Владислава на русскую сторону в 1618 г. // Исторические записки: Науч. труды исторического факультета ВГУ. Воронеж, 2000. Вып. 5. С. 21.

¹⁶ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1615 г. Д. 2. Л. 6–14.

¹⁷ Там же. Ф. 210. Оп. 13. Д. 7. Л. 295–300.

¹⁸ Там же. Л. 255–258, 373–375.

¹⁹ Там же. Ф. 210. Оп. 13. Д. 1. Л. 83.

²⁰ Там же. Л. 126.

²¹ Там же. Оп. 10. Д. 4. Л. 35.

говору вновь повысили оклад (с 12 до 15 рублей), т.к. он был назначен теперь уже поручиком в своей роте вместо убитого П. Юля²². В феврале 1619 г. боярским приговором был повышен оклад шотландскому капитану Я. Шаву, назначенному командиром ирландской роты «бельских немцев» вместо убитого капитана-ирландца (оклад нового командира повысили до размеров оклада его предшественника)²³.

В отношении группы из семи иноземцев, перешедших на русскую службу из шведской армии в 1617 г., боярам осенью 1619 г. пришлось принимать решение сразу по трем финансовым вопросам: о повышении им поденных денежных выплат, о назначении «выходного» жалования и о поверстании поместьями и денежными окладами²⁴.

В-пятых, в Думе порой принимали решения о замене одного приказа, в качестве источника финансирования отдельных иноземцев, другим приказом. Так, в феврале 1619 г. в связи с невыплатами денег из Большого Прихода капитану Я. Шаву, его, в финансовом отношении, перевели в ведение Разряда: «Бояре приговорили давать з бельскими немцы в Розряде»²⁵. В марте 1619 г. рассматривалась челобитная Ю. Безсона и Я. Беза, которые жаловались на задержку в выплате жалования в Большом Приходе. Резолюция гласила: «давать корм из Розряду, а на прошлые (месяцы – О. С.) взять из Большого Приходу»²⁶.

И, наконец, сохранилось несколько документов с пометами о боярских приговорах в связи с выплатами денег вдовам погибших иноземцев. В апреле 1617 г. в Думе рассматривался вопрос о выплате денег жене погибшего в бою «бельского немчина» ирландского нарядчика М. Отегана. Вдова просила назначить ей и двум ее детям месячный корм, однако «бояре приговорили» выплатить только единовременное пособие в размере 2-х рублей²⁷. Спустя два года, весной 1619 г., в Думе рассматривали челобитную вдовы шотландского капитана (также из числа «бельских немцев») А. Мутра о выплате денег «на поминоку»; было решено выдать 10 рублей²⁸.

Дума была окончательной инстанцией и при решении вопроса о разрешении иноземцу покинуть русскую службу и Россию. Именно по боярскому приговору от 16 июня 1614 г. был на год отпущен в Англию А. Астон-младший²⁹ (он должен был привезти мать и нескольких родственников); по решению Думы были отпущены на родину в 1619 г. несколько «бельских немцев»³⁰.

Выше приведены практически все найденные мною случаи, когда Дума рассматривала вопросы о служилых иноземцах, хотя, в то же время, документов по аналогичным делам, но без помет о боярских приговорах, сохранилось во много раз больше. Исходя из этого, можно предположить, что на заседания Думы выносились лишь некоторые вопросы о служилых иноземцах или вопросы, связанные лишь с определенными лицами.

Действительно, во всех приведенных случаях фигурируют не рядовые служилые люди, а офицеры, командиры (или их жены), или же люди с очень высо-

²² РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 1. Л. 103–103 об.

²³ Там же. Л. 24–25, 176.

²⁴ Там же. Ф. 150. Оп. 1. 1619 г. Д. 2. Л. 14–15.

²⁵ Там же. Ф. 210. Оп. 13. Д. 1. Л. 26–26 об.

²⁶ Там же. Л. 16–16 об.; см. также л. 70.

²⁷ Там же. Ф. 210. Оп. 10. Д. 4. Л. 41–41 об.

²⁸ Там же. Оп. 13. Д. 1. Л. 26–26 об.

²⁹ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 52. Л. 61 об.

³⁰ Там же. Ф. 210. Оп. 13. Д. 1. Л. 34.

ким социальным статусом («князь» А. Астон). Что же касается двух французских подрывников, то рассмотрение их челобитных на уровне Думы, объясняется, скорее всего, заслугами этих иноземцев: Безсон и Без перешли на русскую сторону из войска Сагайдачного накануне штурма Арбатских ворот Кремля в ночь на 1 октября 1618 г. и предупредили о готовящемся приступе. По боярскому приговору от 3 октября 1618 г. «за то, что они выехали с прямыми вестями», им было назначено огромное, в сравнении с другими подобными «выходцами», жалование – каждому по 30 рублей, по сороку соболей, «по камке по доброй, по сукну по доброму»³¹.

Кроме того, вынесение ряда вопросов на уровень Думы можно, наверное, объяснить и тем, что система государственного управления за годы Смуты была расстроена, финансы находились в чрезвычайно сложном состоянии, и руководство приказов не хотело брать на себя ответственность в тех или иных случаях. Косвенно это подтверждается тем, что в документах 20-х гг. XVII в., т.е. тогда, когда приказная и финансовая системы были полностью восстановлены, мне не удалось найти случаев вынесения боярских приговоров по делам о служилых иноземцах.

Из всех властных структур России рассматриваемого периода чаще всего иноземцы контактировали приходилось с приказами. Первым приказом, с которым приходилось иметь дело приехавшему в Россию иностранцу, был Посольский.

Сразу же по пересечении границы «выезжий» иноземец попадал в ведение уездных воевод, которые, выяснив цели его приезда, докладывали в Посольский приказ. Именно там принимали решение о пропуске иноземца внутрь страны.

Если в пограничном городе находился кто-то из иностранцев, пользующийся доверием руководителей Посольского приказа, то его использовали, чтобы выяснить, что представлял собой приезжий. Так в 1617 г. Посольский приказ поручил Двинским воеводам обратиться к отъезжавшим в Англию русским послам, чтобы те узнали у английского посла Дж. Меррика (он покидал Россию вместе с русскими послами) про двух приезжих англичан, «какие оне люди и чего от них чаять, не начнет ли в них какие смуты и воровства». При этом русские послы не должны были показывать, что эта информация интересует Посольский приказ, а спрашивать должны были «от себя». Из беседы с Мерриком выяснилось, что «те выезжие немцы люди худые, зерщики, воры; государю де в них службы и прибыли не будет, что б де государь их велел воротить назад». Тогда обоих англичан под охраной пристава передали английскому послу, и тот, «тех немец взяв, отослал тотчас на карабль»³².

Если в Посольском приказе принимали решение принять иноземца, то в пограничный город направлялось распоряжение отправить приезжего в Москву под охраной приставов, которые должны были доставить иноземца непосредственно в Посольский приказ.

Здесь происходил еще один допрос приезжего, причем более подробный, нежели в пограничном городе. Еще раз выясняли цель приезда, а также: место рождения; социальный статус отца и ближайших родственников; этапы предшествующей службы – страны, где служил и войны, в которых участвовал; воинские должности, звания и жалование, которые иноземец имел до приезда в Россию. Все вместе это обозначалось термином «служба и отечество».

³¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 7. Л. 180–181; Скобелкин О. В. Переходы западноевропейцев из войск Владислава на русскую сторону... С. 21.

³² РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–2.

Самый ранний из известных нам случаев подобного допроса относится к 1614 г., когда на службу принимали англичанина «князя» Артура Астона, шотландца Якова Шава и их товарищей, которые приехали в Россию еще в 1612 г. и до официального принятия в службу уже успели поучаствовать в боевых действиях на стороне правительственных войск.

В 1618 г. шведский военнопленный Анц Юхом, который после подписания Столбовского мира обратился с просьбой принять его на русскую службу, «у выписки» в Посольском приказе показал: «Родом Цесаревы земли, отец де его был у цесаря дворянин и служил отец его и он, Анца, в Цесареве земле конную службу на 3-х конех; а у свейского служил конную ж службу на 3-х же конех, а шло ему от свейского короля на месяц по 15 ефимков, а на лошади давано овес и сено»³³.

В 1619 г. подобной процедуре подвергся цесарец Юрий Граб, который «у выписки» в Посольском приказе «сказался родом Цысаревы земли, отец был у цесаря ротмистр конных немец и служил на 6-ти конех; да он, Юрья, в Цесаревой и в Свейской земле служил конную ж службу на 4 конех, а шло ему в Цесарех и в Свее найму на месяц по 15 ефимков, а на лошади даван овес и сено»³⁴.

В 1622 г. капитан Франц Беннев «в Посольском приказе расспрашиван» и так описал свою биографию: «Родом Цесаревы области волного города Статина... наперед сего служивал свейскому королю в Новгороде 3 годы, как был Новгород за свейским... А был в полку с Яковом Пунтусовым. А как служить не похотел, и его де Яков Пунтусов из Новгорода отпустил и отпускную грамоту за своею рукою и за печатью дал. И та грамота и ныне у него есть. А после отпуска Якова Пунтуса служил он во Гданске из найму бурмистром и ратманом 4 годы. И из Гданьска его отпустили и отпускную ему дали ж. А как из Гданьска поехал... служил в Слеской земле полгода. А Слескою землею в те поры владел да и ныне владеет чешской король Фредрик палцграф Ренский. А после был в Статине, и из Статина ездил наимаца в службу к датцкому королю. И в Датцкой земле в службу его не приняли, и он из Датские земли приехал назад в Статин. А из Статина поехал в Московское государство на государево имя...»³⁵

Приехавший в Россию в 1627/28 г. шотландец Роберт Кар «в Посольском приказе у выписки сказал, что он... в Аглинской земле был служилой человек, служил у аглинского короля во дворянх ближних... а отец де его был в Аглинской же земле у короля в ближних в больших дворянх, честной великой человек; а дядья де иво, отцу его родные братья – князь Роборт Кяр да князь Иван Геб – ныне у аглинского ж короля в ближних боярех»³⁶.

Все эти данные были необходимы, чтобы определить статус приезжего относительно тех иноземцев, которые уже находились на русской службе (кому приехавший «службой и отечеством в версту»), и, соответственно, размеры жалованья, которое ему нужно было назначить.

Посольский приказ старался по возможности проверять сведения, сообщенные «нововыезжими» иноземцами, для чего обращался к так называемым «знатцам» – иностранцам, уже находившимся в России, которые ранее были знакомы со вновь прибывшим.

Помимо сведений личного характера Посольский приказ старался получить от приезжего информацию о текущей международной ситуации – «вести». При-

³³ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 2.

³⁴ Там же. 1619 г. Д. 2. Л. 10.

³⁵ Там же. Ф. 150. Оп. 1. 1622 г. Д. 2. Л. 2–3.

³⁶ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1628 г. Д. 75. Л. 4.

мерами тому могут служить «расспросы» датчанина Анца Матвеева Локмана в 1617 г., а также уже упоминавшегося «цесарца» капитана Ф. Беннева в 1622 г., который рассказал о чешском короле, о войне Швеции и Речи Посполитой, об отношениях Турции с Речью Посполитой и императором³⁷.

Приехавшим на русскую военную службу иноземцам за сам факт приезда («выход» или «выезд») полагалось разовое «выходное» жалование (обычно деньги и ткани). Решение о его выплате и размерах принимали в Посольском приказе.

Помимо «выходного» жалования Посольский приказ назначал принятому на службу иноземцу и будущее постоянное жалование, мог поверстать поместным и денежным окладом. Чтобы определить размеры любого назначаемого жалования в Посольском приказе обращались к собственному архиву и искали примеры предшествующих назначений. Затем информация обобщалась в особой выписи, которая обычно озаглавливалась «На пример» или «Выписано на пример». Так, когда нужно было назначить выходное жалование А. Астону и членам его отряда, обратились к самым последним назначениям.

«И выписаны на пример.

В нынешнем в 123-м году выехали на государево имя Шкотцкие земли немцы Роман Орн, Якуб Унтор, Юрьи Фаркисов, Давыд Кук, Данил Кунигюм. И дано им государева жалованья всем 5-м человеком выезжего по 20 рублей человеку да по камке, да по сукну по доброму человеку; да им же дано по 40 соболей, по 20 рублей сорок; по ковшу, по 3 рубли ковш. А поместной и денежной оклад учинен им по 400 чети, денег по 25 рублей человеку. И на нынешней на 123-й год то государево жалование для службы им дано по окладом сполна.

Да в прошлом во 122-м году выехали з Белой на государево имя два капитана, Оп да Бий, и дано им за выезд государева жалованья по 20 рублей денег, по портишу бархату рытого, по сукну по лундышу да по лошади с конюшны человеку.

Да как здали Белую немцы государевым людем, и в те поры приехали ко государю от товарищев своих порутчики Ондрей Мутря да Ян Вуд, да шляхтичи Давыд Бысть да Ян Бен. А государева жалованья дано всем по 30 рублей денег, по портишу бархату, по сукну по лундышу, по сорок соболей человеку.

Смоленским выезжим ротмистру Бахмату, шляхту Михайлу Желобовскому за выезд дано государева жалованья по 25 рублей да по камке, да по сукну по доброму, да по ковшу, да по сороку соболей человеку. Да им же учинены поместные и денежные оклады: Михайлу 600 чети, денег 40 рублей; Бахмату 500 чети, денег 30 рублей; а иным шляхтам по 12 рублей и по 10, и меньши, смотря по отечеству»³⁸.

О назначении постоянного жалования делалась запись в «записных книгах» Посольского приказа, после чего иноземец переходил в ведение Панского (Иноземского) приказа.

Работа дьяков и подьячих Посольского приказа обычно не вызывала нареканий со стороны иноземцев. Однако один случай приказной волокиты встретился и в этом ведомстве. В 1619 г. группа иноземцев, просивших о повышении размеров «поденного корма», выплате «выходного» жалования и верстании поместными и денежными окладами, жаловалась на то, что их «дело велено взнестъ в Верх перед... государевых бояр, а челобитных не слушают, и дело в Верх к боярам не несут»³⁹. Судя по тому, что на их челобитных стоят дьяческие пометы

³⁷ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1617 г. Д. 1. Л. 8–14; Ф. 150. Оп. 1. 1622 г. Д. 2. Л. 5–6.

³⁸ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 52. Л. 112–115.

³⁹ Там же. Ф. 150. Оп. 1. 1619 г. Д. 2. Л. 5–7 об.

«Принести выписка к боярам» и «Принести дело к бояром тотчас», затягивал передачу дела в Думу кто-то из подьячих, вымогая, видимо, у просителей мзду.

Во время боевых действий в годы Смуты иноземцы, переходившие из армии противника на русскую сторону, имели дело сначала с полковыми воеводами, а затем – с Разрядом, и только после этого поступали в распоряжение Иноземского приказа. Именно в Разряде они проходили все те процедуры, которые обычно производились в Посольском приказе – подробный допрос, выяснение обстановки (в этом случае, не международной, а военной), назначение жалованья.

Из Разряда кормовым иноземцам нередко выплачивались кормовые деньги (в частности, именно этот приказ довольно долго финансировал обе роты «бельских немцев»⁴⁰). Здесь иностранцам приходилось сталкиваться со знаменитой московской волокитой. Ярким примером ее может служить ситуация, в которой весной 1619 г. оказались 21 ирландец и шотландец, из числа «бельских немцев», служившие в то время в Туле. Вот что писали они в своей коллективной челобитной: «Волочимся мы... здесь, на Москве, больши полугоду и помираем голодною смертью, а твоего государева жалованья нам, холопом твоим, на нынешней, на 127-й год, хлебного и по ся... мест не давано. А жены и дети наши на Туле без нас также волочатца меж двор, помирают голодною смертью. И мы били челом тебе, государю, чтоб ты, государь, нас, холопей своих, пожаловал для нашей бедности, велел нам дать здесь на Москве, за хлеб деньгами. И ты, государь, нас, холопей своих, пожаловал, велел выписать, что нам дано и что не дано. И дело, государь, выписано, больши дву недель лежит у подьячего у Дорофея. И того дела нашего подьячей перед твоего государева думнаго дьяка, перед Сыдавнаго Васильева, не положит»⁴¹.

Как видно из приведенного текста, между иноземцами и одним из подьячих Разряда возник конфликт. Трудно сказать, что послужило причиной: то ли Дорофей требовал мзды, то ли заносчивые «немцы» вели себя не слишком почтительно с русским чиновником, то ли были еще какие-то обстоятельства. Как бы то ни было, резолюция на челобитной гласит: «Положить дело тотчас»⁴². Правда, из-за описанного выше состояния источников, не удалось выяснить, насколько быстро было выполнено это решение.

В 20-х гг. XVII в. Разряд перестал быть источником финансирования кормовых иноземцев; теперь все они получали деньги из Большого прихода, а в Разряде лишь велся учет их служебных назначений. В связи с этим обращения иностранных военных в этот приказ были связаны, главным образом, с получением выписок о различных эпизодах их службы, и, прежде всего, об участии в боевых действиях в годы Смуты. Разрядному приказу иноземцы подчинялись во время службы в Украинном разряде.

Основным приказом, ведавшим служилыми иноземцами, был Панский (Иноземский) приказ. Он занимался организацией ежегодной службы в Украинном разряде – сбором соответствующей «половины» к определенному сроку в Тулу, где размещался так называемый Большой полк⁴³. В Иноземском приказе дела-

⁴⁰ См., например: Приходо-расходная книга Разряда 7123 года // РИБ. М., 1912. Т. 28. Стб. 281, 300–301, 306–308 и др.; Приходо-расходная книга Разряда 7125 года // Там же. Стб. 529–532, 554 и др.; Приходо-расходная книга Разрядного приказа 1619/20 г. // Приходо-расходные книги московских приказов. М., 1983. С. 201–205 и др.

⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 1. Л. 41.

⁴² Там же. Л. 41 об.

⁴³ Подробнее об этом см.: Скобелкин О. В. Организация службы иноземцев на защите южных рубежей России в первой половине XVII в. // Население и территория Цен-

лись записи о приезде в Москву тех иноземцев, которые жили в других городах и уездах⁴⁴. Здесь же принимали решение о переводе иноземцев из роты в роту, занимались разрешением различных конфликтов между иноземцами, проводили врачебное освидетельствование раненных и заболевших.

Во второй половине 10-х гг. XVII в. своего рода соперником Панского приказа в делах управления служилыми иноземцами был Разряд. Однако в 20-х гг., видимо, в связи с приходом к руководству Иноземским приказом такой влиятельной фигуры как кн. И. Б. Черкасский, Разряд «отодвигают» в сторону, и Иноземский приказ становится главной инстанцией для иностранных военных. Даже вопросы о назначении иноземцев на командирские должности теперь не выносились на рассмотрение Думы, а решались в ведомстве Черкасского.

Еще одним приказом, с которым иностранцы постоянно имели дело, был Большой Приход. Здесь выдавали денежную часть «выходного» жалования и жалования за переход в православие; кормовым иноземцам выплачивалось денежное довольствие, а также деньги за «питье», за «конский корм» и за дрова. Однако порой, особенно в трудные в финансовом отношении времена, в решении подобных вопросов возникали сбои, о чем свидетельствует следующая челобитная: «Царю... бьют челом... нововыезжие иноземцы, спитарной мастера Юшка Безсон да Янко Бяз. Пожаловал ты... велел дать своего царьского жалованья корм на прошлые месяцы ... из Большева Приходу. И твой государев дьяк Добрыня Семенов твоего царьского жалованья, нам, холопом твоим, ... и по ся мест не выдаст, а дает, государь, нашей братье литве и немцом.... А память, государь, отнесена из Розряду в Большой Приход... а мы, холопи твои, не ведаем, за что нам, холопом твоим, отказывает. И мы... били челом тебе... чтоб ты... нас... пожаловал, велел ис таможи дать. И ты, государь, нас холопей своих пожаловал, и о том память из Розряду в Большой Приход послана. И та государь память и многие челобитные подписаны. И твой государев дьяк Добрыня Семенов и памяти, и подписных челобитен не слушает, и нам, холопом твоим, памяти в таможду ни денег у себя в Большом Приходе не даст». В ответ на эту жалобу последовало распоряжение: «Велети дати из Розряду корму»⁴⁵.

Как минимум, один раз за время жизни и службы в России иноземцы «нового выезду» (т. е. приехавшие после восшествия на престол Михаила Федоровича) имели дело с Казенным Двором – здесь выдавали ткани, бывшие обязательной частью жалования «за выход». Кроме того, перешедшим в православие полагался в качестве жалования за крещение полный русский мужской костюм, который они получали также на Казенном Дворе (например, «немчину Цысарские земли» М. Кепке должный были дать «для крещенья платье: однорядку – сукно доброе, кафтан тафтян, шапку, крест серебрян, рубашку, порты, сапоги, пояс»⁴⁶). На Казенном Дворе изготавливались и ротные знамена для иноземцев; при этом ротмистры нередко консультировали мастеров по вопросам символики и сочетания цветов («Велети им зделати нововыезжим иноземцом ротмистру Яну Воду знамя в тафтах розными цветы, а как делати знамя он, Ян, укажет...»⁴⁷).

тального Черноземья и Запада Росии в прошлом и настоящем. Воронеж, 2000. С. 19–21; *Он же*. Тульская служба иноземцев: участие иностранцев в обороне южных границ России в 20-х гг. XVII в. // *Commentarii de Historia*. 7 (декабрь 2004). <http://www.main.vsu.ru/~CdH/Articles/07-03.htm>

⁴⁴ См., например: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 801. Л. 146.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 1. Л. 52–52 об.

⁴⁶ Там же. Д. 7. Л. 115.

⁴⁷ Там же. Оп. 9. Д. 903. Л. 472.

Какая-то часть кормовых иноземцев получала, помимо денежного жалования, еще и «питье» – «вино» и пиво. Получали они его в Москве «с кабака». Иноземцам высокого статуса, кроме вина и пива, выдавался, еще и мед; при этом «питье» им шло не «с кабака», а из Сытного дворца (двора), находившегося в ведении приказа Большого Дворца. Так, в 1614 г. А. Астону-старшему было назначено «по 4 чарки вина, по чети ведра меду, по полведра пива на день», а «ротмистру Якову Шаву по 3 чарки вина, по крушке меду, по две крушки пива на день»⁴⁸; А. Астон-младший получал в 1615 г. «поденного питья по 4 чарки вина, по полведра меду, по ведру пива на день»⁴⁹, а полковник А. Лесли в 1630 г. – «по три чарки вина двойного, по пяти чарок вина рядового, по крушке меду вишневого, по полведра меду цеженого, по полведра пива доброво на день»⁵⁰. Своеобразно обеспечивался питьем датчанин М. Мартынов: в 1614 г. он получал свое поденное питье сразу и «з Дворца» (3 чарки вина и 1 кружка вишневого меда), и «с кабака» (по 2 чарки вина, по 4 кружки меду, по 6 кружек пива)⁵¹.

К сожалению, в документах приказного делопроизводства XVII в. нет описаний технологии этих выдач. Единственное свидетельство имеется в «Записках» Штадена. Вот как описывает немец-опричник порядки на Сытном дворе в 60–70-х гг. XVI в.: «Из погребов мед приносился теми, кто был к тому приставлен. Они отмеривали мед в погребе по своему желанию и потом уже выносили его наружу и наливали иноземцу в его бочку. Соглашался тот его принять – хорошо, а коли нет, то не получал ничего. Варился хороший и плохой мед, и на этом сберегалась третья часть меда-сырца. А если иноземец одаривал этих ребят, то сам мог идти в погреб и сам цедить мед [на пробу] изо всех бочек. Какой мед более других приходился ему по вкусу, того он и приказывал тогда нацедить и получал [конечно] свою полную меру. Если иноземец умирал или его убивали, то эти куманьки целый год все продолжали заносить в отчет все выдачи»⁵².

С другими московскими приказами служилые иноземцы регулярных контактов не имели, хотя в отдельных случаях таковые бывали. Так, в 1628 г. двух иноземцев в финансовом отношении перевели в ведение Костромской Чети⁵³. В 1630 г. в Земском приказе разбирался имущественный спор по поводу двора на Кулишках (владелец которого, Ю. Безсон, продал двор шотландцу капитану Я. Вуду, но никак не хотел освободить)⁵⁴, а в Поместном приказе рассматривалось дело о выморочной вотчине⁵⁵.

В годы Смуты иноземцы, переходившие из армии противника на русскую сторону, имели дело сначала с полковыми воеводами, которые проводили первый допрос, а затем отсылали перебежчика в Разряд. Поступив на службу, иноземец вновь имел дело с полковыми воеводами, под чьим командованием участвовал в боевых действиях или служил в Украинном разряде. Именно у полковых воевод испрашивались разрешения о временных отлучках со службы, главным

⁴⁸ РГАДА. Ф. 35. Д. 52. Л. 117. Любопытно, что при этом «князь Ортемей того питья не емлет, а сказывает, что ему того питья мало». В январе 1615 г. Астону и Шаву «питья» было прибавлено: первому – «четыре ведра меду да полведра пива», второму – «крушка меду». Там же. Л. 118.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1615 г. Д. 2. Л. 14.

⁵⁰ Там же. Ф. 210. Оп. 9. Д. 904. Л. 1.

⁵¹ Там же. Ф. 53. Оп. 1. 1630 г. Д. 1. Л. 33.

⁵² Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 39–40.

⁵³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 903. Л. 24–25.

⁵⁴ Там же. Ф. 210. Оп. 9. Д. 801. Л. 230–231.

⁵⁵ Там же. Л. 203–205.

образом, бить челом о выплате жалования или для лечения; в последнем случае воеводы проводили и первичный осмотр больного⁵⁶.

С городовыми воеводами пограничных уездов иноземцы имели дело, когда приезжали в Россию; уездные администраторы проводили допрос «выходца», сообщали о нем в Посольский приказ, а после распоряжения о присылке иноземца в Москву, обеспечивали его подводами, поденным кормом на время пути и давали провожатых. Кроме того, в годы Смуты, московские приказы, не располагая необходимыми средствами, нередко обязывали уездные власти выплачивать тем или иным иноземцам жалование из местных доходов. В мирное время иноземцы, не входившие в московский список, подчинялись также городовым воеводам.

* * *

В тех редких случаях, когда иноземец получал разрешение уехать из России, организацией его отправки занимался вновь Посольский приказ, а выплата жалования и содержание в дороге до границ России обычно возлагались на власти и бюджеты тех уездов, через которые пролегал путь отъезжающего, или же на соответствующие четвертные приказы. Так, в 1617 г. несколько шотландцев и ирландец из числа «бельских немцев» получили разрешение уехать на родину через Архангельск; жалование за месяц они получали в Новгородской чети, а еще за три месяца – «в городех Новгородские ж Чети, в которых городех деньги есть в зборе»⁵⁷. На практике последняя сумма им была выдана двинскими воеводами в Архангельске⁵⁸.

---

⁵⁶ РГАДА. Оп. 10. Д. 4. Л. 160, 165; Оп. 9. Д. 903. Л. 527.

⁵⁷ Там же. Ф. 210. Оп. 10. Д. 4. Л. 175–176, 186.

⁵⁸ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 69. Л. 3.